

Неизвестная жизнь Марии Крауклис (судьбы региональной элиты в 1930-е годы)

1. Первые всегда получают первыми

У элиты – особая судьба. Элита – это всегда зона риска, повышенной опасности. И дело даже не в старой истине, гласящей «чем выше заберёшься, тем больше падать» (хоть она и верна). Просто первые всегда получают первыми – и награду, и удар. Любые социальные потрясения влекут за собой гибель (порой в буквальном смысле этого слова) целых слоёв элиты, и не каждый, кто упал, сможет подняться снова. Здесь нужен особый запас прочности и, конечно же, удача. Так было раньше, так будет всегда.

О сталинских репрессиях сказано немало. Все уже не раз слышали про ужасы раскулачивания, беспредел ГУЛАГА и депортированные народы. Но в эти годы разыгралась и другая драма, о которой вспоминают несравнимо реже – трагедия советской элиты. Ведь вслед за интеллигенцией царской России в топку террора отправились представители совсем ещё юного, только нарождавшегося высшего слоя советского общества.

Председатели колхозов и комитетов бедноты, едва успевшие отчитаться об успешном выполнении задания партии и правительства по массовой коллективизации и раскулачиванию, с ужасом и недоумением держали в руках свежий номер газеты «Правда» со статьёй тов. Сталина «Головокружение от успехов». Курс партии в очередной раз претерпел решительные изменения и то, за что ещё вчера раздавали медали и премии, было объявлено «перегибами на местах» и «головотяпством». В кратчайшие сроки практически все они лишились своих постов.

История повторилась в 1930-е годы, когда накатывавшие одна за другой волны террора смывали начисто верхние слои управленческого аппарата региона. Секретари, председатели, завкомы, директора – кто вспомнит их имена? И каждый думал, что очередная волна пройдёт мимо, что он должен уцелеть, ведь это же ясно – за что? Они верили и работали ещё упорнее, стремясь доказать свою благонадёжность и полезность. Они тоже боролись, выявляли, клеймили позором, призывали покарать – и так до последней минуты, до самого конца, который не заставлял себя долго ждать. И так и уходили в вечность, ничего не поняв.

Впрочем, оставим обобщения и цифры для историков. Куда интереснее конкретные люди, их неповторимые судьбы и взгляды на жизнь. Яркий пример тому – события, развернувшиеся в 1937-39 годах в областной Школе повышения квалификации колхозных кадров (было и такое) в г.Тюмени. Небольшой, казалось бы, исключительно надёжный и проверенный коллектив, состоявший преимущественно из старых коммунистов-преподавателей, стал в то время ареной безумных человеческих страстей. Одни из участников этой драмы сложили головы, другие уцелели, а самые удачливые даже смогли продвинуться вверх. Посмотрим, что же творилось в «кузнице» советской элиты тех лет.

2. Старая тетрадь

Мария Яновна Крауклис, – кажется, об этом человеке известно всё. Или почти всё. Член партии с 1914 г., персональный пенсионер союзного значения, общественный и партийный деятель, – словом, типичный представитель советской элиты. Личный фонд Марии Яновны вот уже четверть века бережно хранится в областном краеведческом музее. Даже удивительно, как там, среди бесчисленных грамот, памятных адресов и газетных статей об очередных встречах с пионерами не пропала, не затерялась эта потрёпанная школьная тетрадка с А.С. Пушкиным на обложке. У Александра Сергеевича был тогда юбилей – 100 лет со дня смерти. Но в том далёком уже 1937 году Марии Крауклис было не до великого поэта.

Прежде чем открыть эту тетрадь, сделаем небольшое отступление – пора поближе взглянуть на нашу героиню. Впрочем, пусть она расскажет о себе сама. Из официальной автобиографии, текст которой также хранится в музее, мы узнаём следующее. Мария Яновна Крауклис родилась 22 июля 1897 г. в Лифляндской губернии в семье сельскохозяйственного рабочего. Окончила сельскую школу и приходское училище. В 1913 г. стала членом подпольного социал-демократического кружка, в 1914 г. вступила в РСДРП. В 1915 г. переехала в Петроград, где продолжила подпольную работу. В декабре 1916 г. была арестована, освобождена накануне февральской революции. В 1917 г. стала свидетелем выступления В.И. Ленина, о чём с волнением вспоминала всю оставшуюся жизнь. В течение 1918 г. вела подпольную работу в оккупированной немцами Латвии. Участвовала в советско-польской войне в качестве информатора политотдела 15-й армии, позднее была мобилизована для подавления Кронштадтского мятежа. Окончила рабфак и сельхозинститут. В 1928-34 гг. работала агрономом в Красноярске, затем в Омске, преподавала. С 1935 г. читала лекции в учебных заведениях Тюмени, одновременно занимаясь партийной работой.

Мне доводилось видеть не одну автобиографию Марии Яновны. Но ни в одной из них нет ни слова о тех событиях 1937-38 гг., которые перевернули всю её жизнь и едва не прервали столь успешно складывавшуюся партийную карьеру. Впрочем, вернём ей слово – обратимся к нашей тетради. Открываем первую страницу: «Заявление. Прошу проверить и разобрать моё заявление, так как Бюро Горкома ВКП(б) 27/IX-38 г. исключило меня из партии: 1) за неискренность перед партией, 2) за защиту врага народа мужа Купц, 3) за связь с семьёй арестованного врага народа Бривина...».

На сцене появляются новые лица – кто они? Купц Рейн Яковлевич – муж Марии Крауклис, как и она латыш, родился в 1896 г., член ВКП(б) с 1917 г., образование – Коммунистический вуз нацменьшинств. На момент ареста 27.12.1937 г. работал директором Школы повышения квалификации колхозных кадров в г.Тюмени, где и преподавала Мария Яновна. Бривин Андрей Михайлович – латыш, родился в 1888 г., член ВКП(б) с 1924 г., образование аналогичное – Комвуз нацменьшинств. На момент ареста - преподаватель истории ВКП(б) и парторг в той же школе. Но об этом мы узнаем позднее, после долгого архивного поиска, в ходе которого постепенно вырисовывалась картина подлинной трагедии, разыгравшейся в учебном заведении одного из райцентров Омской области.

3. Враги повсюду

В 1937 г. по Омской области прокатилась волна репрессий, жертвами которых стали помимо прочих тысячи партийных и советских работников. Оставшиеся же на свободе выступали с публичной поддержкой действий органов НКВД. Так, на собрании парторганизации вышеназванной школы А.М. Бривин зачитал доклад «О некоторых методах и приёмах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры», заявив, в частности: «Они, враги, ещё более опасны, ибо во многих случаях прикрываются партийными билетами». Итог прениям подвёл Р.Я. Купц: «Задача состоит в том, чтобы нам партийцам быть основными помощниками НКВД». Они ещё не ведали, что уготовила им судьба.

Вероятно, одним из первых примеров проявления бдительности в школе стало дело преподавателя М.Н. Каменевой, которая осенью 1936 г. во время одной из лекций неосмотрительно вступила в дискуссию с курсантами по одному из самых скользких вопросов марксистско-ленинской теории – возможности построения коммунизма в отдельно взятой стране. Всё последовавшее за этим (доносы, обсуждения на собраниях и т.п.) требует отдельного рассказа. Для нас важен результат: в марте 1937 г. Мария Каменева была уволена, а в октябре – исключена из партии с формулировкой «за протаскивание троцкизма, выразившееся в попытках доказать невозможность построения высшей фазы коммунизма, отрыв от парторганизации и неуплату членских взносов в течение 4-х месяцев».

Следующей жертвой стал преподаватель А.П. Чеченев, исключённый 4 ноября 1937 г. практически с той же формулировкой – «за протаскивание троцкистских установок в преподавании истории ВКП(б)». В декабре очередь дошла до семьи Марии Крауклис. 27 декабря 1937 г., в последние предновогодние дни, был арестован её муж Рейн Купц. Можно себе представить шок, который испытала эта чета рьяных марксистов, которые сами ранее неоднократно участвовали в выявлении и устранении «контрреволюционных элементов» - троцкистов, уклонистов и т.п.

Утром следующего дня Мария Яновна обратилась к секретарю горкома ВКП(б) Божко. Помимо спасения мужа её остро интересовал и другой вопрос: «Как быть мне, как члену партии?». Божко уже знал об аресте и ответил просто: «Пока ты член партии, а там видно будет, а о причине ареста спроси тов. Петрова – начальника НКВД». Петров мало прояснил ситуацию, сказав только, что «Купц долго будет сидеть». Тогда же он разрешил принести передачу – ту самую, что станет впоследствии одним из пунктов обвинения Марии Яновны в «защите мужа - врага народа». Она пыталась оправдываться, говорила, что это была единственная передача и «тогда я совсем ещё не знала, что Купц арестован как враг народа и будет исключён из партии», но тщетно.

29 декабря 1937 г., то есть спустя два дня после ареста, Купц был исключён из партии как враг народа, арестованный органами НКВД за антисоветскую контрреволюционную деятельность. Предложение об исключении внесено т.Божко. Однако Мария Крауклис узнала об этом только в январе 1938 г., во время очередного партсобрании. Реакция её была незамедлительной: «Для меня ясно было, раз Купц исключён, как враг народа, то и о мне должен стоять вопрос. Я тут же на собрании заявила, что надо и о мне ставить вопрос». Парторг У.Л. Ибрагимов «успокоил» её, сказав, что, она могла не знать о предательстве мужа, хотя, «если Горком ВКП(б) скажет, мы и тебя исключим из партии».

Так был дан официальный старт кампании, развивавшейся в лучших традициях советской репрессивно-бюрократической машины. Из проверенного бойца партии, «одного из лучших преподавателей школ», наконец, из жены директора Мария Крауклис превратилась в не внушающий доверия, потенциально опасный элемент, жену арестованного врага народа – одним словом, изгоя. На неё стали косо смотреть бывшие товарищи, некоторые просто старались избегать, к примеру, преподаватель Г.П. Беседин перестал с ней здороваться (такая осмотренность сослужит ему хорошую службу – в апреле 1939 г. он перейдёт на работу в горком ВКП(б), а к 1944 г. дорастёт до должности секретаря по кадрам). Жить и работать в такой обстановке, по словам самой Марии Яновны, было невозможно.

Она неоднократно пыталась что-то узнать: обращалась к Божко в горком, к Петрову в НКВД – безрезультатно. «Следствие не окончено», «на тебя материала нет» – вот всё, что она могла услышать. Терзали душу и сомнения иного рода: «Я перебрала все годы, прожитые вместе с Купц, но не могла найти в нём врага. Я допускала только такую мысль, что Купц если стал врагом, то стал невольно, может быть сам этого не зная. Неужели прожив 10 лет вместе, я бы не видела, не заметила бы его вражеских помыслов. Я в то время была уверена, что следственные органы разберутся и Купца освободят. То, что Купц арестован, как враг народа лежало и лежит на меня¹ невыносимо тяжёлым пятном».

Пытаясь забыть (и, вероятно, отвести от себя подозрения, заранее реабилитироваться перед партией), Мария Яновна с головой уходит в работу – стенгазета, поездки в подшефные колхозы, кружок домохозяек по изучению Конституции и т.п. Казалось, наступил период затишья в её судьбе - «мне казалось, что... отношение со стороны коммунистов нашей первичной парторганизации ко мне стало более товарищеским». Но однажды запущенную машину остановить было невозможно.

3 сентября 1938 г. на собрании первичной парторганизации неожиданно поднимается вопрос о поведении Марии Крауклис, преподавателя, члена партии. Ей было предъявлено три пункта обвинения, о которых мы (вернее, сама Мария Яновна) уже говорили выше. Напрасно она оправдывалась, говорила, что с женой арестованного врага народа Бривина

встречалась всего несколько раз, когда у той болел ребёнок. Вновь недоумение: «Почему же тогда сразу после ареста Купц не ставили обо мне вопроса. До собрания никто из наших коммунистов и особенно парторг со мной по-товарищески не поговорил. Ни разу не указал на те ошибки, которые я, сама не замечая, допускала, как, например, связь с женой Бривина... Я из прежней своей партийной работы знаю, что [в] таких случаях, прежде чем наказывать, члена партии предупреждают, помогают ему исправить допущенные ошибки, но по отношению ко мне искали, собирали материал». На результат это не повлияло – строгий выговор «за притупление политической бдительности и защиту врага народа Купц».

Оставалась одна надежда – горком ВКП(б). Там товарищи всё проверят, разберутся и исправят ошибку. Первое обращение к М.Л. Мальцеву, секретарю горкома, отчасти обнадёжило – дело передано инструктору А.А. Куликову. 27 сентября 1938 г. - долгожданное известие: инструктор горкома А.А. Куликов вызывает Марию Крауклис и парторга Г.П. Беседина («я думала – для проверки моего дела»). Но ждала её не товарищеская встреча, не собеседование, а заседание Бюро горкома, которое уже началось и одним из вопросов было её дело. Стоит ли говорить, что рассмотрение было исключительно формальным – «судя по ходу разбора моего дела на Бюро, мне осталось такое впечатление, что обо мне вопрос был предreshён».

Дополнительным ударом стало заявление докладчика Трифонова о том, что её муж Купц сознался следствию в том, что он «в течение ряда лет выполнял шпионскую работу». Сомнений больше не было – партия оказалась права, на протяжении многих лет она жила со шпионом, врагом советского государства и не замечала этого. «Если это так, а словам тов. Трифонова я не могу не верить, то каким слепым же может быть человек как я. Я слепо верила Купцу, когда он рассказывал о своих заслугах, о своей преданности к партии в прошлом. Эта слепота сгубила меня, не дала мне возможности быть бдительной, подойти к сему критически. Моя вина усугубляется ещё тем, что...». На этом текст фрагмента обрывается.

Позиция «товарищей» была ясна: будучи женой врага народа Крауклис не могла не знать о его «вражеских действиях». Секретарь горкома Десятков прямо заявил: «У нас нет данных, чтоб у тебя была идейная связь с Купц, но может быть о тебе ещё поступит материал». Результат рассмотрения дела горкомом ВКП(б): решение первичной парторганизации об объявлении Марии Крауклис строгого выговора отменить – вместо этого она исключается из членов ВКП(б) за «неискренность перед партией, защиту врага народа мужа - Купц и связь с семьёй арестованного врага народа - Бривина». Обком ВКП(б) 2 ноября 1938 г. подтвердил исключение. «Я убедилась, что при решении вопроса о моей партийности подошли ко мне исключительно как [к] бывшей жене Купц».

Земля ушла из-под ног. Мир Марии Крауклис рухнул. Человек, которому она верила, оказался врагом народа, сама она – его невольной (а может и сознательной) пособницей, недостойной состоять в партии Ленина-Сталина. Бывшие товарищи не здоровались на улице, сторонились человека, контакты с которым стали предосудительными. Обида и сомнения терзали душу. «Я в январе месяце сильно болела, ко мне никто не заходил... никто не поинтересовался как я живу, чем дышу, атмосфера была такая создана, что даже и беспартийные сотрудники боялись со мной общаться... Ведь тюменская парторганизация и отдельные коммунисты меня не знали. Никто со мной никогда не говорил и говорить не хотел... Те старые большевики, которые меня знают с детства, живут в Москве, в Ленинграде, а многих я за последние годы растеряла... Выходит, что сейчас на меня могут клеветать, могут камнями забросать, но мне уже правды не найти». На этом записи в тетради обрываются.

4. Всё будет хорошо (но не для всех)

Надо сказать, что Марии Яновне повезло. Записи в той тетради были, вероятно, черновиками её апелляции, направленной в последнюю, высшую инстанцию – Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), во главе которой стоял известный публицист и партийный

деятель Е.И. Ярославский. 2 мая 1939 г. состоялось заседание комиссии, была приглашена и сама Крауклис. Сомнений в виновности Р.Я. Купц к тому времени не оставалось – он уже был осуждён. Однако, поскольку «организационной связи с мужем» установить не удалось, в отношении Марии Яновны было вынесено следующее постановление: «В отмену решения Омского Обкома ВКП(б) от 2.XI.1938 г. – Крауклис М.Я. в членах ВКП(б) восстановить. Поручить Тюменскому ГК ВКП(б) оформить партдокументы т.Крауклис».

Повезло не только Крауклис: днём раньше та же комиссия восстановила в партии завуча О.Д. Гильдермана, исключённого 29 ноября 1938 г. первичной парторганизацией той же школы «за притупление политической бдительности, непринятие мер к ликвидации последствий вредительства, неочищение аппарата от чуждых элементов, допущение безучётности в хозяйстве школы». Восстановили в партии и М.Н. Каменеву, и А.П. Чеченева. Не повезло лишь Р.Я. Купц, да А.М. Бривину.

Судьбы этих двоих нам пока неизвестны. В «Книге расстрелянных», охватывающей территорию современной Тюменской области, нет их имён. Архив РУ ФСБ РФ по Тюменской области на наш запрос ответил, что сведениями о судьбе Р.Я. Купц и А.М. Бривина не располагает. Означает ли это, что их дела были переданы в другой оперсектор НКВД – в Омск или Екатеринбург? Каким был приговор суда – расстрел или лагеря? Точно можно сказать одно – оба они безвозвратно «выпали из обоймы», их столь многообещающие карьеры партработников оборвались навсегда. Остались лишь несколько групповых фотографий, да старая тетрадь с выцветшими записями.

¹ Так в тексте. Мария Яновна, по-видимому, так и не овладела в совершенстве русским языком, подобные ошибки встречаются неоднократно.